

Александр Восьмой

Колодец без дна

Александр Восьмой Колодец без дна

<https://litres.ru/74425458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старый колодец на окраине деревни давно заколочен досками. Легенда гласит: если бросить туда камень и услышать не всплеск, а голос — значит, колодец зовёт. Подростки решают проверить легенду. Один бросает камень. И колодец отвечает. С этого момента деревня начинает жить по правилам, которые диктует тишина под землёй. Напряжённый триллер с фольклорной атмосферой. На рассвете колодец замолкает. Его воды становятся обычными, а доски, которые когда-то прибывали в страхе, теперь снимают с благодарностью. Деревня учится жить заново: люди больше не боятся тишины, потому что знают её цену. Акира и Юми становятся хранителями истории, чтобы никто не забыл, как легко потерять голос и как трудно его вернуть. Колодец остаётся — как напоминание и как место, где теперь шепчут не приказы, а молитвы.

Александр Восьмой

Колодец без дна

Глава 1. Доски, прибитые страхом

Сумерки в Окуми падали не как обычно — они не стелились по земле, а налипали, будто мокрый саван. Воздух стал густым, тяжёлым, и даже ветер, прежде беспечно гулявший по полям, теперь крался вдоль заборов, цепляясь за углы домов и шепча что-то невнятное.

Колодец стоял на самой окраине, там, где тропинка терялась в высокой траве, а тени от деревьев сливались в сплошную тёмную полосу. Его давно заколотили досками — грубыми, потемневшими от дождей и времени. Гвозди, вбитые когда-то в спешке, теперь покрылись рыжей коростой, а края досок растрескались, словно от напряжения, будто сама древесина пыталась вырваться из этой неподвижности.

О колодце в деревне не говорили. Не потому, что боялись — а потому, что слово, произнесённое вслух, могло разбудить то, что лучше держать спящим. Дети знали: не подходи, не трогай, не смотри. Но Акира никогда не умел бояться по расписанию.

Он стоял перед колодцем, сжимая в ладони гладкий камень, который нашёл у ручья. Камень был холодным, почти ледяным, будто впитал в себя всю тишину этого места. Рядом, в нескольких шагах, замерли его друзья — Юми и Рэн.

Юми кусала губу, её пальцы нервно теребили край рукава. Рэн делал вид, что ему всё равно, но плечи его были напряжены, как у зверя, готового сорваться с места.

— Ты точно хочешь это сделать? — прошептала Юми, и её голос прозвучал неестественно громко в этой густой тишине.

Акира не ответил. Он просто разжал пальцы. Камень полетел вниз, рассекая воздух, и исчез за краем сруба.

Секунду стояла тишина — та самая, что бывает перед грозой, когда мир замирает, прислушиваясь к самому себе. Потом... не было всплеска. Не было удара о воду. Не было ничего, что можно было бы объяснить.

Вместо этого пришёл звук. Низкий, вибрирующий, будто не из глубины, а изнутри головы. Он не был похож на голос человека — скорее на стон земли, на шёпот ветра, который знает слишком много. Он прозвучал одновременно отовсюду: из-под ног, из-за спины, из темноты между деревьями. И в нём было одно слово — или не слово, а ощущение, которое мозг пытался облечь в смысл: «Приди».

Юми вздрогнула и отступила на шаг, будто её толкнули. Рэн резко обернулся, всматриваясь в темноту, где ничего не было. А Акира стоял, не шевелясь, чувствуя, как по спине ползёт холод, который не имел ничего общего с вечерней прохладой.

Тишина изменилась. Раньше она была просто отсутствием звука. Теперь она стала живой, плотной, почти осязаемой.

Она обволакивала, давила, шептала на ухо неслышные слова. Колодец больше не был просто старым срубом с заколоченными досками. Он стал чем-то, что смотрит, слушает и ждёт.

В этот момент где-то далеко, в центре деревни, скрипнула дверь. Потом ещё одна. И ещё. Словно дома тоже прислушивались, пытаясь понять: что изменилось? Что нарушило привычный порядок вещей?

Акира поднял глаза на потемневшие доски, и ему показалось, что между ними мелькнул слабый, едва уловимый свет — будто изнутри кто-то тихо дунул на свечу. Или будто колодец улыбался.

С этого мгновения тишина стала опасной. А колодец — живым.

Глава 2. Тот, кто ответил

Утро в Окуми наступило неправильное.

Солнце взошло — это точно, потому что свет лежал на крышах, на траве, на дорожных столбах. Но свет был не тот. Был он желтоватым, как старая бумага, и не грел. Будто кто-то заменил солнце на точную копию, но забыл добавить тепло.

Акира проснулся с чувством, что ночью кто-то был в его комнате. Не тронул ничего, не сдвинул, не оставил следов — просто стоял и смотрел. Это ощущение вьелось под кожу, как заноза, которую нельзя ни вытащить, ни проигнориро-

вать. Он сел на татами, потёр глаза и обнаружил, что помнит прошедшую ночь с пугающей ясностью: каждый звук, каждый шорох, каждый удар сердца в момент, когда камень летел вниз.

Но одно воспоминание выделялось среди остальных — то слово. «Приди». Оно не ушло вместе с ночью. Оно осталось, приклеилось к внутренней стороне черепа, как мокрый лист к стеклу, и теперь тихо вибрировало, не давая покоя.

Акира оделся и вышел на улицу. И тут он увидел.

Тропинки стали уже. Не намного — на полшага, может, на ширину ладони — но достаточно, чтобы заметить. Стены домов, вчера стоявшие ровно, словно по линейке, теперь чуть кренились, будто дома за ночь попытались шагнуть в сторону и не доделали движение. А тени — тени стали длиннее, хотя солнце стояло высоко. Они тянулись от столбов, от деревьев, от людей, вытянутые и неестественно чёткие, будто нарисованные тушью.

Юми ждала его у старого клёна на перекрёстке. Под глазами — тени, которых вчера не было. Пальцы обхватывали локоть, привычный жест тревоги, который она не замечала за собой.

— Ты тоже чувствуешь? — спросил Акира.

— Воздух, — кивнула Юми. — Он... густой. Как будто дышишь через ткань.

— Тропинки стали уже.

— Я думала, мне кажется.

— Тебе не кажется.

Рэн подошёл со стороны храма, руки в карманах, взгляд скучающий. Но Акира знал его слишком давно, чтобы обмануться: Рэн не скучал, Рэн боялся. Именно поэтому делал вид, что ему всё равно.

— Ничего не изменилось, — сказал Рэн. — Деревня как деревня.

— А ты попробуй сказать «колодец».

Рэн открыл рот. И закрыл. Попробовал снова. Челюсть дрогнула, губы шевельнулись, но звук не вышел. Не потому что он не мог — а потому что слово застряло где-то на полпути, будто горло сжалось само по себе.

— Вот именно, — тихо сказал Акира.

Они шли по деревне, и Акира смотрел на людей. Бабка Накамура развешивала бельё на верёвке — и делала это молча, без обычного напевания. Мужчина на углу чинил забор — и не стучал молотком, а будто давил гвозди, стараясь не издать ни звука. Дети у школы играли в молчанку — и не потому что так захотели, а потому что крик застревал в горле, как комок.

Никто не говорил о колодце. Но все о нём думали. Это было видно по глазам — мимоходом, краем, из-под lashes: каждый бросал взгляд в сторону окраины, туда, где за высокой травой прятался заколоченный сруб. И быстро отводил глаза, будто колодец мог заметить.

Акира понял это к полудню: деревня не молчала от стра-

ха. Деревня молчала, потому что тишина стала правилом. Не написанным, не сказанным — но обязательным. Воздух стал гуще именно от этого: от давления невысказанных слов, которые копились в каждом доме, в каждой голове, не находя выхода.

А потом начался шёпот.

Он звучал только для Акиры — в этом он был уверен, потому что Юми и Рэн шли рядом и не реагировали. Это был не голос, не звук в привычном смысле. Скорее — мысль, которая не принадлежала ему. Она просачивалась сквозь трещины в его собственном сознании, как вода сквозь камень, и ложилась поверх его мыслей тонкой, чужой плёнкой.

«Ты слышал. Ты ответил. Теперь ты мой.»

Акира остановился. Юми обернулась.

— Что с тобой?

— Я... слышу. Шёпот. Он...

Он попытался сказать. Он открыл рот, набрал воздуха, сформировал слова в голове — и они рассыпались. Буквы разлетелись, как сухие листья от ветра, и то, что вышло из его губ, было не предложением, а набором бессмысленных обрывков: «Он... шё... там, внизу... оно...».

— Что? — Юми нахмурилась. — Акира, ты...

— Я не могу! — Он схватил её за плечо. — Я хочу сказать, но слова не держатся! Они рассыпаются, как песок, как...

Рён подошёл ближе, и Акира увидел в его глазах то, чего боялся больше всего: понимание. Рэн тоже что-то слышал.

Может, не то же самое, может, тише, дальше, глуше — но слышал. И тоже не мог об этом сказать.

— Нам нужно к Миэко, — наконец произнёс Рэн. — Старуха на южной стороне. Ей... сколько, девяносто? Она помнит то, чего мы не знаем.

— Почему именно она?

— Потому что она единственная в деревне, кто смотрит на колодец и не отводит глаз.

Дом старухи Миэко стоял на южной окраине, там, где дорога к храму расходилась на три тропинки. Он был старым — старше, чем колодец, старше, чем сама деревня, если верить разговорам. Стены из тёмного дерева, крыша, поросшая мхом, и дверь, которая скрипела так, будто жаловалась на возраст.

Миэко открыла им не сразу. Они ждали долго — может, минуту, может, пять, время в этом вязком воздухе текло странно — и когда дверь наконец подалась, за ней стояла женщина, которая выглядела так, будто помнила рождение каждой доски в этом доме. Маленькая, высохшая, с глазами, которые не отражали свет, а впитывали его.

— Я знала, что вы придёте, — сказала она. Не приветствие, не вопрос — констатация. — Я ждала этого сорок лет. Заходите.

Внутри дом пах так, как пахнут дома, где живут одни воспоминания: старая бумага, сухие травы, древесный дым, въевшийся в стены так глубоко, что стал их частью. Миэко

усадила их на пол, сама села напротив и долго молчала, глядя на каждого из троих по очереди. Акире показалось, что она не просто смотрит — она слушает. Не их слова, а то, что прячется за словами.

— Кто бросил камень? — спросила она.

Акира поднял руку.

Миэко кивнула, будто это было единственным возможным ответом.

— Ты не первый, — сказала она. — И, наверное, не последний. Но ты первый, кто услышал ответ и не убежал. Это... меняет вещи.

— Что ответил колодец? — Юми подалась вперёд.

— Колодец ничего не отвечает, — Миэко покачала головой. — Колодец зовёт. Есть разница. Ответ — это диалог. Зов — это приказ.

Она встала, и движения её были медленными, аккуратными, будто она несла на плечах что-то невидимое и тяжёлое. Подошла к стене, отодвинула панель — за ней была ниша, тёмная и сухая — и достала свиток. Он был пожелтевшим, ткань на сгибах истончилась до прозрачности, а черви едва не съели края. Миэко развернула его на полу перед детьми, и Акира увидел текст — написанный от руки, тушью, которую наносили так осторожно, будто каждое слово было хрупким.

— Это написал мой дед, — сказала Миэко. — Он был тем, кто заколотил колодец. Не от страха. От стыда.

Акира наклонился и начал читать. Текст был старым, по-

черк — неровным, будто рука писавшего дрожала, но слова проступали сквозь время, как кости сквозь истончившуюся землю.

«Колодец не бездонный. У него есть дно. Но дно это — не земля, не камень, не вода. Дно колодца — это тишина, которая ожила. Она копится внизу, как копится гниль на дне бочки, и ждёт, ждёт, ждёт. Каждый камень, брошенный в колодец, — это голос, отданный тишине. Каждый звук, который исчезает в его глубине, становится частью того, что растёт внизу. И когда голосов становится достаточно, тишина начинает говорить сама.»

«Я заколотил доски не для того, чтобы запереть колодец. Я заколотил их, чтобы запереть себя. Потому что я бросал камни. Не один. Много. И каждый раз я слышал, как тишина внизу становится чуть сильнее, чуть громче, чуть ближе. Я слышал, как она учится словам. И я испугался не колодца — а того, что однажды тишина скажет моё имя и я откликнусь.»

«Если ты читаешь это — значит, кто-то снова бросил камень. И значит, тишина снова начала говорить. Не пытайся её уничтожить. Не пытайся её заглушить. Тишина не враг — она голодна. Она была голодна всегда. И теперь она будет есть, пока не насытится. Чем — я не знаю. Этого мой дед не успел мне рассказать. Но я знаю одно: колодец собирает не камни. Он собирает голоса. Чтобы однажды заговорить сам.»

Акира поднял глаза от свитка. В комнате стало темнее, хотя за окном всё ещё был день. Или не день — то, что теперь заменяло день: желтоватый, неживой свет, который ложился на вещи без тепла и без теней. Вернее, тени были, но они лежали неправильно, будто кто-то переставил их, пока никто не смотрел.

— Голоса, — повторил Рэн. — Он собирает голоса.

— Он не просто собирает их, — сказала Миэко. — Он хранит их. Каждый крик, каждый шёпот, каждый вздох, который когда-либо звучал над этим колодцем, — всё там, внизу. И когда ты бросил камень, ты не разбудил колодец. Ты дал ему новый голос. Свой.

Акира почувствовал, как холод, начавшийся в спине прошлой ночью, теперь разливается по всему телу. Не внешний холод — внутренний, как будто что-то внутри него стало тоньше, прозрачнее, будто часть его утекла вниз, в темноту, и заняла своё место среди тысяч других голосов, которые ждали там.

— Как остановить? — спросил он.

Миэко посмотрела на него долго, и в её глазах он увидел то, что не хотел видеть: сочувствие. Не к нему — к тому, кем он станет, если не найдёт ответа.

— Мой дед не нашёл способа, — сказала она. — Он только отсрочил. Доски — это не защита. Это пауза. И пауза кончилась вчера ночью.

За окном, где-то на окраине, скрипнула доска. Потом ещё

одна. Будто колодец шевельнулся в своих заколоченных пеленами, потягиваясь после долгого сна. Или будто кто-то — что-то — начинал снимать их изнутри.

Юми взяла Акиру за руку. Её пальцы были ледяными.
— Что нам делать? — прошептала она.

И в этот момент Акира снова услышал его. Шёпот. Тихий, тёплый, почти ласковый, как дыхание спящего зверя. Он звучал не снаружи — изнутри, из того места, где раньше была тишина, а теперь стало что-то другое. Что-то живое.

«Вы уже сделали. Вы пришли. Этого достаточно. Пока — достаточно.»

Акира сжал руку Юми и посмотрел на Рэна. Тот стоял у двери, напряжённый, как натянутая струна, и смотрел в щель между створками. Там, снаружи, тени от деревьев вытянулись ещё длиннее и теперь тянулись к дому Миэко, как пальцы, как нити, как руки, которые тянется из темноты, чтобы коснуться того, кто ещё не убежал.

Старуха свернула свиток и убрала его обратно в нишу.

— Теперь вы знаете, — сказала она. — Колодец не просто глотает камни. Он ждёт, пока кто-нибудь достаточно храбрый — или достаточно глупый — даст ему то, чего он хочет. И он хочет не камней. Он хочет, чтобы его услышали.

Вечером, когда неживой свет наконец погас и на деревню опустилась ночь, Акира лежал на татами и смотрел в потолок. Шёпот стих, но тишина, которая пришла вместо него, была другой — не пустой, а полной. Полной, как вода перед

тем, как переполнить край.

Где-то на окраине, далеко за последними домами, скрипнула ещё одна доска. И ещё. И ещё.

Колодец снимал с себя путы. Медленно, терпеливо, ночь за ночью. И Акира знал — знал с пугающей ясностью — что когда последняя доска упадёт, тишина под землёй заговорит вслух.

И тогда Окуми услышит то, что ей скажут.

Глава 3. Правило первой ночи

Ночь пришла со всех сторон сразу.

Не как обычно — не с востока, не вслед за солнцем, не постепенно, от теней к сумеркам к темноте. Она обрушилась, словно занавес, который кто-то держал наготове и наконец отпустил. Одно мгновение — и небо из жёлтого стало чёрным, без промежуточных ступеней, без зари, без прощания. Звёзды зажглись все разом, слишком яркие, слишком близкие, будто кто-то подвесил их ниже, чтобы они смотрели на деревню.

Акира лежал на татами, уставившись в потолок, и ждал. Чего — он не знал. Может, шёпота, может, скрипа досок, может, того чувства чужого присутствия, которое не отпускало его с прошлой ночи. Но вместо всего этого пришла усталость — мягкая, обволакивающая, как тёплое одеяло. Глаза начали слипаться. Дыхание замедлилось. Мысли поплыли, теряя чёткость, и Акира почувствовал, как проваливается в сон —

медленно, блаженно, неизбежно.

И тогда колодец заговорил.

Не шёпотом — нет. Шёпот был для одного. Это было для всех. Звук шёл не из головы, не из-под земли, не из-за стен. Он шёл отовсюду. Будто сам воздух стал голосом, будто каждая пылинка в нём завибрировала на одной ноте, низкой и протяжной, как струна, которую натянули до предела. Звук не имел слов — и в этом было его могущество. Он не приказывал, он не просил, он не умолял. Он просто звучал. И смысл его вливался в уши, обходя мозг, минуя сознание, проникая прямо в кости.

«Никто не должен спать.»

Акира открыл глаза — резко, как от удара. Сердце колотилось так, что он чувствовал пульс в кончиках пальцев. Сон исчез, сметённый, как соломинка в бурю. Усталость осталась — тяжёлая, тянущая, — но поверх неё лёг другой слой: тревога, острая и холодная, как лезвие ножа.

Он сел. Прислушался. Звук исчез, но его эхо всё ещё висело в воздухе, вибрируя на грани слышимости, как последний отзвук колокола.

А потом он услышал крики.

Нет — не крики. Вскрики. Короткие, резкие, испуганные. Один — на соседней улице. Другой — дальше. Третий — совсем далеко, у храма. Люди просыпались. Все. Одновременно. С одним и тем же чувством — что сон стал ловушкой, что закрывать глаза опасно, что если уснёшь — не проснёшься.

Акира вскочил, натянул куртку и выбежал на улицу.

Окуми горела. Не пожаром — фонарями. В каждом окне, у каждого дома, на каждом столбе — фонари, свечи, лампы. Люди зажигали всё, что могло гореть, и свет лился из домов потоком, заливая улицы неестественным, дрожащим сиянием. Тени от этого света метались по стенам, по заборам, по земле — длинные, ломаные, они прыгали и извивались, будто танцевали, будто праздновали что-то, понятное только им.

И люди не спали. Все. От младенцев, которых матери носили на руках, до стариков, сидевших на порогах с закрытыми глазами, но не спящих — Акира видел, как их губы шевелились, беззвучно повторяя молитвы, заклинания, имена. Дети жались к родителям, держались за руки так крепко, что костяшки пальцев белели. Собаки выли, привязанные к столбам, и их вой был единственным звуком, который не казался чужим в этой ночи.

— Ты тоже? — Юми стояла у калитки его дома, закутанная в шаль, глаза красные от недосыпа и страха.

— Все, — ответил Акира. — Все слышали.

— Это не было голосом. Это было... — она замолчала, подбирая слова. — Будто кто-то взял мою голову и сказал ей: не смей. И голова послушалась.

Рэн появился из-за угла, бледный, с тёмными кругами под глазами.

— Моя бабушка, — сказал он. — Ей восемьдесят три. Она

не может не спать. Она засыпает, и... — он запнулся. — И не дышит. Мы её разбудили — она дышит. Но стоит ей закрыть глаза...

— Что?

— Она перестаёт дышать. Словно забывает. Словно тело решает, что если спать нельзя, то и дышать не нужно.

Тишина повисла между ними, и Акира понял, что это слово — «тишина» — больше не означает отсутствия звука. Тишина стала существом. Она была здесь, среди них, она обнимала деревню своими невидимыми руками и шептала: не спите, не закрывайте глаза, не отпускайте сознание, не отдавайте мне своё место.

Они пошли по деревне. Улицы были полны людей — не гуляющих, не стоящих, а именно полны, как бывают полны реки перед наводнением. Люди сидели на крыльцах, на лавках, прямо на земле, и в каждом лице было одно и то же выражение: напряжённая, болезненная бодрость, как у зверя, который чувствует хищника, но не видит его. Глаза горели лихорадочным блеском, движения стали резкими, дёргаными. Разговор шёл шёпотом — громко говорить боялись, будто звук мог привлечь внимание того, что слушало.

У храма горели костры — не ритуальные, а просто огонь, ради огня, ради света, ради того, чтобы не закрыть глаза. Монах Тэйдзю, древний, высохший, как ветка, сидел у огня и перебирал чётки так быстро, что бусины мелькали в воздухе, как капли дождя. Он не молился — Акира подошёл ближе

и услышал: он считал. Считал нечто, чего не видел, не слышал, не мог пощупать.

— Что вы считаете? — спросил Акира.

— Дыхание, — ответил Тэйдзю, не поднимая глаз. — Каждое дыхание — это жизнь. Если я перестану считать — я забуду, что дышать нужно.

Акира отошёл, и тут он увидел.

Нити.

Они были тонкими — тоньше паутины, тоньше света, тоньше мысли. Полупрозрачные, мерцающие, как роса на рассвете, они тянулись от людей — от каждого, от старика Тэйдзю, от матери с младенцем, от Рэна, от Юми — вниз, под землю, в одном направлении. К колодцу. К окраине, где за высокой травой прятался заколоченный сруб.

Акира замер и моргнул — может, показалось. Но нити не исчезли. Они лишь чуть дрогнули, как от ветра, и снова натянулись, тонкие, ровные, беззвучные. Он проследил взглядом за одной — от груди женщины, стоявшей у костра, через улицу, через поля, к колодцу. Нить не обрывалась — она уходила под землю, словно корень, вращалась в почву и исчезала в темноте.

— Вы их видите? — спросил он у Юми.

— Что видишь?

— Нити. От людей. К колодцу.

Юми посмотрела туда, куда указывал Акира. Ничего. Она покачала головой.

— От всех?

— От всех. От каждого человека. Тонкие, как...

— Я ничего не вижу, — сказала Юми, и в её голосе был не скепсис, а страх. Страх от того, что Акира видит то, чего не видят другие.

Рэн подошёл, прищурился, посмотрел в сторону колодца.

— Ничего. Но я чувствую. Что-то тянет. Вот сюда. — Он приложил руку к груди, чуть левее центра. — Будто верёвка, привязанная изнутри.

Акира понял. Нити были не для глаз — они были для того, кто слышал зов. Тот, кто бросил камень. Тот, кто ответил. Колодец дал ему зрение, которого не было у других. Но это зрение было не даром — оно было частью сделки, которую Акира не помнил, потому что не заключал.

Он смотрел на нити и видел больше. Каждая пульсировала — слабо, едва заметно, в ритме, который не совпадал с дыханием или сердцебиением. Пульсирование шло от колодца — туда и обратно, туда и обратно, как прилив и отлив, как вдох и выдох. Колодец дышал через людей. Не воздухом — тишиной. Каждый выдох колодца забирал у человека кусочек голоса, кусочек звука, кусочек того, что делало его живым. Каждый вдох возвращал — но возвращал меньше. С каждым циклом нить становилась чуть тоньше, а человек — чуть тише.

Акира посмотрел на руки Юми и увидел, что её нить тоньше, чем у Рэна. Намного тоньше.

— Юми, — сказал он. — Ты сегодня разговаривала меньше, чем обычно?

— Что?

— Сколько слов ты сказала сегодня? Вслух?

Она задумалась. По-настоящему задумалась, как будто вопрос был не праздным, а жизненно важным. И ответила медленно:

— Не знаю. Мало. Мне... не хотелось. Голос будто устал. Не я — голос.

Акира посмотрел на свою грудь. Нить была самой толстой из всех — пульсирующая, налитая, яркая. Потому что он не просто слышал зов — он ответил на него. Он дал колодцу свой голос первым, и колодец не забыл. Он тянул сильнее, жаднее, требовательнее.

Ночь тянулась. Часы не имели значения — время в Окуми стало текучим, ненадёжным, как всё остальное. Люди боролись со сном, как с наводнением: грести, грести, грести, не останавливаясь ни на секунду, потому что остановиться — значит утонуть. Фонари горели всё ярче — кто-то подбрасывал масло, кто-то жёг старую одежду, кто-то разбил мебель на дрова. Огонь стал единственным союзником, и люди лелеяли его, как ребёнка.

Но Акира видел то, чего не видели другие: огонь не просто горел. Он питал нити. Каждый язык пламени, каждая искра, каждый отблеск на стене — всё это было светом, а свет был звуком, который не звучал. Колодец не просто забирал

голоса — он замещал их. Вместо слов — свет. Вместо речи — огонь. Вместо разговора — костёр. Люди молчали, и молчание это было не их выбором, а правилом, которое они не просили, но были вынуждены соблюдать.

Только Акира слышал — там, внутри, под слоями шёпота и пульсации нитей — другой звук. Тихий, далёкий, почти неразличимый. Будто кто-то плакал на дне колодца. Не от злости, не от голода — от одиночества. Долгого, бесконечного, протянувшегося сквозь поколения, как нить, которую никто не обрывал.

Перед рассветом — когда небо на востоке стало серым, неживым, безличным — Акира стоял у окна и смотрел на окраину. Нити сходились там, к одной точке, и уходили под землю. Но теперь он видел кое-что ещё: доски на колодце дрожали. Не от ветра — ветра не было. Дрожали сами, будто что-то под ними дышало, толкало, давало понять: я здесь, я проснулся, я помню.

Три гвоздя выпали за эту ночь. Тихо, беззвучно, один за другим, утонув в траве. На их месте остались маленькие чёрные дыры, и из каждой лился туман — тонкий, как нить, полупрозрачный, пахнувший сырой землёй и чем-то ещё. Чем-то старым. Чем-то, что было живым задолго до того, как деревня получила своё имя.

Рассвет пришёл — серый, безрадостный, как приговор, который зачитывают шёпотом. Люди на улицах не улыбались. Они выжили. Но выживание не было победой — оно

было лишь отсрочкой. Ночь кончилась, и правило «не спать» отступило вместе с темнотой. Но Акира знал: это было лишь первое правило. Первое из многих.

Колодец не торопился. У него было время — больше, чем у всей деревни, больше, чем у каждого, кто стоял сейчас на улице с красными глазами и пустым взглядом. Он ждал, когда все уснут. Не этой ночью — следующей. Или через одну. Он ждал, потому что терпение было его природой, а тишина — его голосом.

Акира посмотрел на Юми. Её нить стала ещё тоньше.

И тогда он решил: нужно спуститься. Нужно увидеть дно. Нужно понять, что ждёт там, под землёй, под досками, под слоями тишины и голосов. Пока нити не порвались. Пока Юми не замолчала навсегда.

Но сначала — спать. Потому что тело, несмотря на страх, несмотря на приказ, несмотря на нити и шёпот, требовало своё. И Акира уснул, привалившись к стене, с рукой Юми в своей руке, и снилось ему дно колодца — не тёмное, не страшное, а светлое. Полное лиц. Лиц, которые молча открывали рты, пытаясь сказать что-то, что забыли за века молчания.

Он не слышал, как во сне прошептал имя. Чужое. Незнакомое. Но колодец услышал. И ответил.

Глава 4. Нить и голос

Юми поняла это не сразу.

Понимание пришло не как мысль — а как зуд. Мелкий, неотступный, как песчинка в ботинке: что-то не так, что-то сместилось, что-то идёт на полсекунды раньше, чем должно. Она чувствовала это телом, прежде чем мозг оформил в слова. Будто кожа знала то, чего глаза ещё не видели.

Утро после первой ночи было серым и пыльным, как дно пустой чашки. Юми стояла у колодца — не того колодца, а обычного, деревенского, с чистой водой и деревянным ведром, — и наклонилась, чтобы поднять упавшую рукавицу. И тут она увидела.

Её тень на земле уже выпрямилась.

Юми ещё наклонялась — руки тянулись к рукавице, спина согнута, — а тень уже стояла ровно, прямо, как столб, как будто закончила движение, которое сама Юми только начала. Длилось это мгновение — меньше чем морг, меньше чем удар сердца. Потом тень снова стала правильной: согнутая, как и положено, повторяющая каждый изгиб тела. Но Юма уже увидела. И забыть не могла.

Она провела остаток утра, наблюдая за собой. У водосток, у зеркала в прихожей, у окна, где солнце — то, что заменило солнце, — бросало силуэт на татами. Каждый раз она заставляла себя двигаться медленно, отслеживая каждый жест. И каждый раз тень опережала. На мгновение. На полудрожание. На ширину одного дыхания. Её тень двигалась раньше неё.

Не всегда. Не каждый шаг. Но достаточно часто, чтобы

Юми перестала думать, что ей показалось.

К полудню она нашла Акиру у храма. Он сидел на ступенях, подперев подбородок кулаком, и смотрел на деревню тем странным взглядом, который появился у него после первой ночи, — взглядом человека, который видит больше, чем хочет.

— Моя тень, — сказала Юми без предисловий. — Она двигается раньше меня.

Акира поднял глаза. Не удивился.

— Нити, — сказал он. — Я вижу нити от людей к колодцу. Твоя... тоньше всех. Может, поэтому ты замечаешь раньше других.

— Ты хочешь сказать, что колодец тянет из меня голос, и из-за этого тень...

— Я хочу сказать, что тень — это часть тебя, которую колодец уже тронул. Она слышит его раньше, чем ты. Она подчиняется ему раньше, чем твоё тело.

Юми посмотрела на свою тень на ступенях. Тень сидела, как и она, — но пальцы её рук, переплетённые на коленях, были расслаблены, тогда как руки самой Юми сжимались до побеления костяшек.

— Нам нужно понять, что это, — сказала она. — Не просто знать, что колодец голоден. Нужно понять, как он устроен. Почему нити. Почему голоса. Почему тени.

— Библиотека при храме, — сказал Акира. — Если в деревне и есть записи о колодце, помимо свитка Миэко, то

только там.

Храм Тэйдзю стоял на холме, единственном в Окуми, — невысоком, поросшем мхом и старыми криптомериями, чьи стволы были толще, чем размах рук. Библиотека при храме была не библиотекой в привычном смысле, а пристройкой — длинной, узкой комнатой с полками от пола до потолка, забитыми свитками, кодексами, брошюрами и отдельными листами, пожелтевшими и хрупкими, как крылья мотыльков. Пахло тут старой бумагой и кедровой корой, и пыль висела в косых лучах света, не оседая, словно и она была частью древнего порядка вещей.

Монах Тэйдзю, не спавший вторую ночь подряд и державшийся только на чётках и зелёном чае, впустил их без вопросов. Он посмотрел на Юми — долго, внимательно — и сказал:

— Твоя тень. Да. Я видел это раньше. Один раз. Давно.

— У кого? — спросила Юми.

— У мальчика, который бросил первый камень. Задолго до твоего Акиры.

Он не стал объяснять. Повернулся и ушёл, бормоча счёт, перебирая бусины, и Акира с Юми остались одни среди тысяч свитков, каждый из которых мог содержать ответ — или не содержать ничего.

Они искали три часа. Акира брал свитки с верхних полок, Юми — с нижних. Они разворачивали, читали, сворачивали, откладывали. Большая часть была рутиной: храмовые за-

писи, списки прихожан, заметки о погоде и урожаях, поэтические упражнения послушников, чьи имена давно стали пылью. Ничего о колодце. Слово «колодец» встречалось — но как бытовая деталь: «починил ограду у колодца», «набрал воды из колодца». Не тот колодец.

Юми нашла его на самой нижней полке, засунутым между налоговым реестром и описью храмового имущества. Свиток был другим — не бумажным, а тканевым, из грубого льна, и ткань была не просто старой, а древней, настолько, что возраст её чувствовался пальцами: грубая, жёсткая, как доска. Рисунок на ней был не нарисован, а вплетён — нити другого цвета, красные и чёрные, проходили сквозь полотно, образуя узор, который Юми сначала приняла за орнамент, а потом поняла: это карта.

— Акира.

Он подошёл. Они развернули ткань на полу, придавив углы камнями, и увидели.

В центре — круг. Не нарисованный, а вытканый красной нитью, толстой, рельефной, выпуклой, будто сама ткань росла из этого места. Круг был не простым — внутри него, спиралями, расходились линии, тонкие, как волос, чёрные на белом льне. Линии шли от центра к краям и дальше, за пределы круга, и на концах каждой были завязаны узелки — крошечные, аккуратные, как бусины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.